

В.В. Гольберт

СОЦИАЛЬНО-СТРУКТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ИННОВАЦИЙ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СТРАТЕГИИ МОБИЛИЗАЦИИ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА

Работа посвящена критическому анализу общих инновационных стратегий как в российском, так и в глобальном контексте. Предметом критики выступает в первую очередь стратегия концентрации инновационных ресурсов и процессов в определенных отраслевых, территориальных, социально-структурных единицах и промежутках времени. Автор показывает бесперспективность такой стратегии с точки зрения и собственно реализации инноваций, и обилия нежелательных побочных эффектов (политических, социально-структурных, криминогенных и иных), сопровождающих инновационные процессы, основанные на логике концентрации. В итоге предлагается в государственной политике делать ставку скорее на выравнивание инновационных потенциалов и процессов во времени, а также на территориальном, отраслевом и социально-структурном пространстве.

Предварительные замечания: инновации во имя всего святого и любой ценой?

С форсированием технологических, экономических, социальных и иных инноваций порой связываются большие ожидания. Если такие ожидания не оправдываются, это оборачивается серьезными проблемами: эффекты разочарования чреваты кризисами легитимации, ведущими к потрясениям политических систем. Опасения относительно подобного варианта развития событий представляются и на сегодняшний день небезосновательными в силу тенденций к инфляционности и демагогии, более или менее отчетливо выраженных в инновационной риторике. Если инновации представляют неким «сезам откройся», призванным открыть двери в лучшее будущее и магическим образом разрешить массу хронических проблем и противоречий, это означает, что от них ожидают и обещают большее, нежели они способны принести. Инновации избавят нас от безработицы, поднимут рождаемость, исправят гендерные асимметрии, восстановят экологическое неравновесие и искоренят ксенофобию. Рефлексия содержательной направленности инноваций и их нежелательных побочных эффектов воспринимается в этом свете как неуместное проявление неудачнического ретроградства и желчного критиканства.

В более или менее отдаленном прошлом неоднократно наблюдалось открытие очередных социальных вечных двигателей и алхимических камней. Когда-то это было обобществление средств производства и государственный контроль над экономикой, спустя десятилетия — рыночная экономика и неолиберальное воздержание государства от прямого в нее вмешательства. Собственно инновации (без конкретизации их содержательной направленности) предстают в роли панацеи от всех болезней в политической риторике немецких социал-демократов в 1998 г. Эта риторика имела целью скрыть слабость программных позиций и беспомощность перед лицом комплекса проблем, не решенных своевременно правительством Гельмута Коля. Проблемы усугублялись последствиями объединения старых и новых земель ФРГ, форсированного христианинскими демократами по популистским соображениям снискания электоральной популярности (Baum 2005; Bruns 2005). После повторного избрания в 2002 г. «красно-зеленые» развернули практическую деятельность по осуществлению инноваций. В процессе этой деятельности формировалось более трезвое к ним отношение и возрастала сдержанность в использовании их как политического лозунга.

Свежий отечественный опыт монетизации льгот и осуществления национальных проектов также дает весомые основания для инновационной сдержанности и здорового скепсиса, однако не для инновационного воздержания, поскольку не ошибается лишь тот, кто ничего не делает. Помимо этого общего соображения имеет смысл предварить предлагаемый ниже анализ рядом замечаний и оговорок понятийного характера.

В основу нижеследующих рассуждений положено широкое понимание инновационных процессов как изменений, включающих в себя элемент целенаправленности и целеполагания. В большей или меньшей степени родственными являются понятия социальных преобразований, реформ, модернизации, трансформации. Ответ на вопрос, в каком соотношении целенаправленные элементы находятся со спонтанными и непредвиденными процессами и эффектами, есть исключительная прерогатива содержательного анализа.

Предметом анализа служат не национальные варианты инновационных процессов или стратегий. Речь идет об изменениях в масштабе «глобального общества». России подобные рассуждения касаются постольку, поскольку она включена в процесс этих изменений. Применимость приводимых наблюдений и категорий к анализу отечественного материала отнюдь не исключается и не ограничивается тем обстоятельством, что эти наблюдения и понятия сделаны и выработаны в иных национальных контекстах (Luhmann 1997: 78 и далее; Wallerstein 1986: 6).

В упрощенном виде глобальный инновационный процесс можно представить, следуя Вивиан Форрестер, как состоящий из двух компонентов, гораздо менее взаимосвязанных между собой, чем это принято считать (Foggester 2002: 7 и далее):

- Первый из компонентов — становление нового капитализма, характеризующегося либерализацией потоков капитала, бурным ростом спекуля-

тивно-виртуальной экономики и рядом иных качеств. В аспектах структурирования социального пространства, отношений власти и собственности новый капитализм характеризуется ренессансом элементов политического и экономического порядка второй половины XIX и первой половины XX в. (Hobsbawm 1994: 336; Leggewie 2001: 444);

- Второй компонент соотносится с понятием научно-технологического прогресса, ассоциируемого преимущественно с развитием информационных и биотехнологий, а также с преодолением национальных барьеров в коммуникации (Touraine 2001: 49).

Одно из центральных предположений состоит в том, что первый из названных компонентов производит эффекты, оказывающие существенное (в основном негативно-деформирующее) влияние на реализацию второго компонента. Эти эффекты обозначены в работе понятиями неустойчивости социального положения, неопределенности жизненных перспектив и фрагментации биографий. Усилиям по идентификации и нейтрализации их источника препятствует идеологическая конструкция понятия глобализации, в которой новый капитализм и технологический прогресс представлены как единое целое. Критика социально-экономических и политических аспектов капитализма тем самым автоматически кодируется, стигматизируется и негативно коннотируется как критика прогресса, инновации, модернизации. В действительности, сопротивление капитализму реализуется в значительной степени в русле антимодернизма и «антиинновационизма» (Gyorgy 2006: 22; Žižek 2001: 492). Причиной этому является, однако, сам дискурс глобализации. Выведение капитализма из-под огня критики посредством представления его в виде безальтернативной предпосылки и естественного следствия научно-технических инноваций оборачивается в действительности попаданием под этот огонь инноваций. Во имя и посредством механизмов идеологического оправдания системы нового капитализма приносится в жертву легитимационная составляющая инновационного потенциала (Forrester 2002; Misik 1997: 38; Leggewie 2001: 452). Ниже предлагается подробнее рассмотреть эти эффекты и их значение для формирования инновационной политики.

Стратегия концентрации на перспективных направлениях

В основе политики концентрации лежит логика сосредоточения сил на стратегически определяющих участках научно-технического, технологического, экономического и иного развития. «Участки» могут пониматься в предметно-отраслевом, временном, пространственном и социально-структурном значении:

- Предметно-отраслевой, или функциональный, аспект означает приоритетное стимулирование государством передовых, наукоемких отраслей производства, на сегодняшний день сопряженных в первую очередь с информационными и биотехнологиями.

- Пространственный, или территориальный аспект, состоит в преимущественной инновационной поддержке наиболее развитых регионов, распо-

лагающих необходимой для «инновационных прорывов» инфраструктурой.

- Временной аспект предполагает достижение максимально возможных темпов инновационного процесса на любой отрезок времени.

- Социально-структурный аспект заключается в формировании и мобилизации инновационных элит, обеспеченных достаточными интеллектуальными и иными ресурсами для активного участия в инновационных процессах.

Логика концентрации основана на ряде допущений. *Первое* из них состоит в том, что инновационные отрасли, регионы и элиты в опережающем режиме обеспечат «прорыв на инновационном фронте» и тем самым — революционное повышение «национальной конкурентоспособности». *Второе*: отстающие, тыловые единицы втянутся в этот прорыв. *Третье*: авангардные силы сыграют роль инновационного локомотива. Истощив возможности роста за счет внутренней циркуляции интеллектуальных, технологических, инвестиционных и иных ресурсов, они обратят накопленный потенциал на модернизацию отстающих областей и отраслей. *Четвертое*: этот процесс обретет качества самовоспроизводящейся динамики, в рамках которой обозначатся очередные прорывы с последующим подтягиванием «отстающих».

В дальнейшем предполагается показать несостоятельность данных допущений и нецелесообразность принятия логики концентрации за основу инновационной стратегии. Для этого будут подвергнуты анализу перечисленные выше аспекты отраслевой, временной, пространственной и социально-структурной концентраций. Следует оговориться, что экспертиза технологических, производственных, инновационно-технических, экономических, демографических и многих иных специальных вопросов преимущественно выходит за пределы предлагаемого анализа. В силу собственной предметной ориентации заключения могут быть даны лишь по социально-структурному аспекту; по другим аспектам лишь постольку, поскольку их предпосылки и последствия значимы с точки зрения социально-структурного анализа. Это не исключает ряда соображений общего характера, выходящих за границы такого анализа в узком понимании.

Комментарий к предметно-отраслевому и пространственному аспектам стратегии концентрации

В условиях неравномерного распределения производственной, образовательно-культурной и иной инфраструктуры между регионами отраслевые и пространственные аспекты концентрации характеризуются сходными и взаимно накладывающимися/усиливающимися побочными эффектами. Государственные программы поддержки авангардных отраслей одновременно являются программами поддержки «продвинутых» регионов, в которых эти отрасли сосредоточены, и наоборот.

Само по себе расходование бюджетных средств на «спонсирование» конкурентоспособных направлений, способных к самореализации на принципах коммерческой самокупаемости, вызывает сомнения общего характера. Дополнительно следует учитывать, что углубление неравенств, неравномерностей и фрагментация социально-экономического пространства является

мощным фактором торможения экономического роста (Galbraith 2006; Krugman 1999: 9, 21 и далее). Региональное разделение труда с интенсификацией обмена между регионами отнюдь не обязательно ведет к выравниванию уровня развития и благосостояния регионов, включенных в разделение и обмен. Наблюдения над реальным развитием в глобальном масштабе заставили пересмотреть соответствующие допущения и выводы экономической теории (Samuleson 2004).

Социально-структурные последствия пространственной и отраслевой концентрации проявляются в усугублении эффектов «дуализации», которые наблюдаются, в частности, в странах Восточной Европы с появлением филиалов крупных концернов из соседних западных стран. Вследствие этого происходит дробление экономики на два сегмента с резко выраженными различиями (disparities) в условиях производства и оплате труда. В одном из сегментов доминируют западные концерны, а в другом «выпадают в осадок» предприятия, оказавшиеся непривлекательными для зарубежных инвесторов (но необходимые для обеспечения экономической и социальной жизнеспособности). Следствием является обострение относительной депривации, усиление дезинтеграционных тенденций в обществе и накопление конфликтного потенциала. Этим не исчерпываются негативные эффекты дуализации. Продвинутое и отстающее территориально-отраслевые единицы вписаны в единую социально-экономическую ткань и связаны между собой множеством капилляров. При углублении разрыва между ними отстающие отрасли и территории начинают играть роль тормоза, снижающего инновационные темпы продвинутых отраслей и регионов, а также социально-экономического комплекса в целом (Ehrke 2005).

Втягивание же отстающих отраслей и регионов в инновационные процессы посредством спонтанного переноса в них технологий и иных форм капитала из передовых отраслей представляется маловероятным. По крайней мере, на глобальном уровне подобных эффектов не наблюдается. Подавляющая доля инвестиций и экспорта технологий из индустриально развитых стран приходится на другие развитые страны. Достигая определенных пределов своей экспансии, инновационные процессы продолжают далее циркулировать в этих пределах как в замкнутом контуре, не проявляя тенденции к выходу на новые отраслевые и пространственные горизонты (Zürn 2001: 111). Это вполне объяснимо, если учесть отсутствие развитой инфраструктуры для реализации инновационного потенциала в сферах, имеющих периферийный статус. В региональном аспекте, активная экспансия за пределы круга доминирующих стран существенно затрудняется отсутствием правовой и политической стабильности, высокими коррупционными издержками и подобными обстоятельствами. Эти же обстоятельства затрудняют инвестиции инновационного капитала за пределами «обжитых» мест и в национальном пространстве, где организация производства за пределами уже освоенных территорий предполагает высокие транзакционные издержки по налаживанию (коррупционных) контактов с местной администрацией. Аналогичные процессы на глобальном уровне опять же не внушают оптимизма: освоение

новых пространств реализуется в форме неустойчивых (волатильных) краткосрочных инвестиций и носит откровенно хищнический неоколониальный характер. Подобным освоением скорее разрушается, нежели создается благоприятная среда для долговременного экономического и инновационного развития (Mahnkopf 2005).

Очень характерен в этом отношении опыт «модернизации» предприятий бывшей ГДР западногерманскими концернами (в частности, Ростокских верфей судостроительным концерном из Бремерхафена). Первым шагом было подавление даже вполне конкурентоспособных предприятий с использованием административного ресурса и присвоение рыночных сегментов, ранее обслуживавшихся этими предприятиями. Вторым шагом был захват их производственных активов путем недобросовестной приватизации, аналогичной подавляющей массе приватизационных процессов в России в 1990-е гг. Третий шаг — получение значительных субсидий от государства для модернизации предприятий и сохранения рабочих мест. Четвертый шаг — использование полученных субсидий для решения собственных проблем (Бремерхафенские верфи спаслись таким образом от надвигавшегося на них банкротства). Итогом были массовые потери рабочих мест. Порой за этим следовала перепродажа производственных активов, в частности, производственных площадей под участки для застройки. Администрация Гельмута Коля не проявила ни достаточной компетентности, ни заинтересованности в пресечении и уголовном преследовании подобных афер*.

Такой же «намеренной беспомощностью» характеризовалась на протяжении ряда лет реакция (точнее, отсутствие оной) российских властей на аферы финансовых пирамид — социальные и правовые аспекты были принесены в жертву сомнительным социально-структурным экспериментам и политическим амбициям. В России эти амбиции и эксперименты были завязаны на создание класса собственников, в Германии — на скорейшую ассимиляцию новых земель в экономической и политической порядок ФРГ (Braune 2000). По истечении полутора десятков лет и триллионных государственных субсидий стало ясно, что и в российском и в немецком варианте амбиции экспериментаторов потерпели полное фиаско (Heitmeyer 1997: 10).

Социальное значение временного аспекта концентрации

Стратегия обеспечения максимально возможного темпа инновационных процессов на любой данный отрезок времени оборачивается социальными последствиями, значение которых компактно определяется понятиями аномии и неустойчивости развития.

Аномия является сопровождающим эффектом любых инноваций, причем масштабы ее находятся в прямой взаимосвязи с темпами и радикальностью изменений. Это относится и к самым разумным, жизненно необходимым преобразованиям; исключением не являются инновации чисто техноло-

* По материалам собственного исследовательского проекта «Стена упала — да здравствует стена!»: Уголовная политика в Германии и России после завершения конфронтации систем» (Golbert 2006).

гического характера. Аномические состояния могут быть осмыслены как побочные (сопровождающие, коллатеральные) явления либо как «цена» трансформации. Переход к новому порядку, системе отношений, алгоритму технологического процесса требует времени, в пределах которого прежние рутины, налаженные образцы практики оказываются недействительными (деинституционализируются). Новые же рутины и образцы пока еще не устоялись, не отработаны в достаточной мере, чтобы служить ориентирами для уверенного продвижения в социальном, технологическом, экономическом, политическом пространстве. В условиях «дезорганизации переходного периода» развивается экзистенциальная неуверенность и дезориентация, дезинтеграция и «коррозия» индивидуальных и коллективных идентичностей. Реакцией на подобные состояния может явиться поиск суррогатных ориентиров и идентичностей, в роли которых может выступать фигура очередного вождя либо религиозные и национальные символы. Турбо-инновационные процессы сопряжены с накоплением политического потенциала популистски-демагогической мобилизации. Успешная реализация этого потенциала вполне может вести (и, как показывает исторический опыт, неоднократно вела) к результатам «с точностью до наоборот» относительно ожиданий и обещаний ретивых реформаторов, не обремененных излишками рефлексивной способности.

Генерируемый процессом быстрых перемен «нормативный вакуум» обладает двойным криминогенным воздействием. С одной стороны, отсутствуют надежные, институционально гарантированные каналы реализации индивидуальных и коллективных целей. С другой стороны, нормативные бреши представляют собой стимул и возможность для криминальных путей реализации таких потребностей. Суть аномических состояний как раз и состоит в размытости критериев различения между легальным и нелегальным, конформным и девиантным. Такие критерии предполагают четкое, двоично кодированное различие. Правовая система, конституируемая этим различием при исключении третьих возможностей, неизбежно дает сбой при отсутствии четких критериев (подобно врачу-гинекологу, которому пришлось бы иметь дело с «немножко беременной» пациенткой). В результате и основной поток активности, в котором реализуются как институциональные изменения, так и адаптация к этим изменениям, обретают характер и смысл «немножко нелегальных», полу- или семилегальных, «легальных в определенном смысле». Хорошую иллюстрацию данного синдрома представляла собой в 1990-е гг. беспомощность правоохранительных органов и уголовного правосудия в квалификации форм экономической преступности, новоопределенных в «немножко рыночном» контексте.

В свое время Роберт Мертон предложил определение нелегальной адаптации как инновации, состоящей в достижении предлагаемых и навязываемых культурой целей вне нормативно и социально-структурно предусмотренных возможностей (Merton 1968). В условиях аномии, создаваемой радикальными инновациями, это определение обретает буквальный смысл. Уголовный элемент становится инновационным субъектом. Роль его в инновационных

процессах становления национальной государственности и рыночной экономики прослеживается на богатом историческом материале, который лег в основу смысловых обобщений по поводу «пиратско-бандитского» характера этого исторического процесса (Tilly 1985). В контексте всемирной истории говорится о «синдроме Штувезанта»: Питер Штувезант — пират, основавший Нью-Йорк, злейший враг и лучший друг короны. В применении к российской истории можно было бы говорить о «синдроме Ермака».

Осмыслению роли постсоветских «Ермаков» и «Штувезантов» в рыночной трансформации экономики посвящена специальная работа (Волков 2002). Эта публикация представляется слабой именно в социально-структурном аспекте, который в ней заявлен, но не реализован. Сомнительным представляется номинация «класса силовых предпринимателей» на статус центрального субъекта в преобразовании экономики, даже в пределах одного лишь нелегального сегмента совокупной деятельности по реализации этого процесса. Признаки «класса» (Там же: 8, 12) устанавливаются на материалах уголовной статистики (Там же: 17–18), что является нонсенсом с точки зрения не только классовой теории и социально-структурного анализа, но и криминологической культуры работы со статистическими данными. «Класс» успел за 10 лет стремительно возникнуть, выполнить свою историческую миссию (путем «народоограбления и частичного геноцида соотечественников») и бесследно исчезнуть с исторической авансцены.

Есть основания полагать, что центральную роль в построении, ограблении и частичном геноциде играли совершенно иные герои, нежели «класс» оснащенных кожаными куртками и золотыми цепями мальчиков. «Класс» же мальчиков не смог бы даже приблизиться к исторической авансцене на выстрел из «Макарова», не говоря уже о том, чтобы вскарабкаться на нее без вдохновляющей и организующей роли этих героев, о которых автор (видимо, по деликатности своей — не по близорукости же!) умалчивает. Во избежание недоразумений: здесь речь идет отнюдь не о жидомасонах, а о самых тривиальных российских и зарубежных властно-экономических «элитах». Участие же их в постсоветских инновациях понимается отнюдь не конспирологически, а именно в духе теории классов, с которой автору труда о силовых предпринимателях имеет смысл повнимательнее ознакомиться, если он намерен продолжать социоструктурно-политэкономические упражнения.

Помимо аномических явлений, ставка на максимально быстрые темпы роста оборачивается его циклическим характером — чередованием стадий подъема и спада, вызывающим психиатрические ассоциации с маниакально-депрессивной болезнью. Как за буйным праздником с неизбежностью следует похмелье, так и «экономическое» чудо сопровождается неожиданными явлениями кризисного характера. Нежданностями, впрочем, они оказываются, поскольку очень уж никому не хочется их ожидать и к ним готовиться. Обострение социальных противоречий вписано в структуру циклического развития. На фазах подъема формируется инфраструктура, а также система социальных претензий и ожиданий, рассчитанная на постоянные и увеличивающиеся вливания материальных ресурсов. При сокращении таких влива-

ний на фазе спада инфраструктура начинает рушиться, а ожидания и претензии остаются неудовлетворенными. Проблемы усугубляются последствиями недостаточно отрефлексированных в свое время мер по обеспечению максимальных темпов и размаха «экономического чуда» (в Германии к таким мерам в 1960–1970-е гг. относилась активная вербовка трудовых мигрантов по всей Европе для обеспечения бурно растущей экономики рабочей силой).

Разочарования, связанные с наступлением очередной депрессии, образуют конфликтно-протестный потенциал, обращенный в адрес демократических институтов и политической системы в целом. В этом можно усматривать один из факторов буйного расцвета правопопулистских партий и движений в странах Западной Европы в 1990-е гг. Проблема не ограничивается мобилизационными успехами движений и лидеров, специализирующихся на критике партий демократического спектра. Более серьезные опасения вызывают популистские метаморфозы самих партий демократического спектра, которые пытаются украсть темы у популистов, и тем самым — «ветер из их парусов». Перефразируя одного из популистских лидеров, можно сказать, что в современной Европе «непопулисты могут быть успешными лишь в том случае, если они немножко популисты» (Погорельская 2004).

Социально-структурный аспект концентрации

Инновационный потенциал можно рассматривать как одну из составляющих культурного капитала, определяющего, наряду с иными формами капитала, позиции в социально-структурном пространстве (Bourdieu 1983: 183). Концентрация различных форм капитала характеризуется взаимно кумулятивным воздействием: чем больше в руках экономического капитала, тем проще (при прочих равных условиях) аккумулировать культурный капитал, и наоборот. Поэтому инновационный потенциал как интеллектуальная и деловая подготовленность к участию в инновационных процессах проявляет тенденцию к спонтанной концентрации на одном полюсе, в узком сегменте общества со значительным отрывом от значительного большинства населения. Государственная поддержка «инновационной элиты», обеспечившей свою «элитность» именно за счет конвертации экономического (как правило, унаследованного) капитала в культурный, имела бы следствием дополнительное углубление этого разрыва.

В результате взаимного наложения и усиления эффектов пространственной, отраслевой, временной и социально-структурной концентраций инновационного потенциала можно ожидать, что инновационное развитие обретет облик наступления, при котором авангард прорвал оборону противника и углубился на сотни километров. Основные же силы (вместе с тыловыми частями, боеприпасами и т. д.) так и не втянулись в прорыв, не располагая для этого необходимыми инновационными ресурсами. Подобному образу отвечают наблюдения процессов «негативной кумуляции» эффектов исключения на нижнем полюсе социальной структуры (Weiss 2004: 219 и далее). В системно-теоретическом понимании исключение означает «выпадение» из коммуникационных систем общества, политическую, экономическую,

культурную (и инновационную) смерть, полную утрату значимости/релевантности. Системы не видят исключенных, не распознают их присутствия, игнорируют их (Nassehi 2000: 19). Если прежде предметом озабоченности была эксплуатация, то теперь попасть в число эксплуатируемых становится привилегией перед лицом угрозы исключения (Castells 1990: 213; Neckel 1999: 160 и далее).

С точки зрения Т. И. Заславской, высшие слои являются своего рода инновационным локомотивом. Исключенные же, не обладая ресурсами для участия в инновационных процессах, деморализованные и деклассированные, в значительной части криминализованные, нарушающие социальную гармонию, выступают в роли тормоза инновационных процессов (Заславская 2002). Эти представления требуют внесения значительных корректировок. Высшие и низшие слои в равной степени не имеют значения с точки зрения инноваций. Высшие, располагая *культурными ресурсами*, слишком «самодостаточны» и в силу этого не располагают *мотивацией* как источником энергии инновационной активности. Их положение слишком комфортно именно в контексте сложившейся системы отношений, чтобы быть заинтересованными в изменении этой системы. Исторический опыт показывает, что «элиты» обычно характеризуются скорее консервативными, нежели инновационно-реформаторскими позициями.

Исключенные же не обладают ни мотивацией, ни культурным капиталом. Однако они (вместе со всеми их проблемами и криминальной активностью) не имеют значения, поскольку инновационные процессы их «не видят» так же, как и коммуникационные системы общества. Инновации протекают по замкнутому контуру, а исключение означает, в числе прочего, выпадение и из этого контура. Современные технологии надзора, контроля над рисками, открытия и закрытия доступа к определенным пространствам и зонам (как один из блоков в механизме исключения) обеспечивают удержание потенциальных нарушителей на дистанции.

Наличие мотивации и ресурсов можно было бы ожидать у представителей новых средних классов, ориентированных на восходящую социальную мобильность за счет концентрации «культурного» или «человеческого» капитала (Средние классы... 2006). Однако этим ожиданиям вряд ли суждено оправдаться. Инновационный потенциал среднего класса в современных условиях (отнюдь не только в России) подрывается распространением неустойчивых жизненных позиций (*precarities*) во взаимосвязи с неопределенностью перспектив (*contingencies*), а также фрагментацией индивидуальных и коллективных нарративов и идентичностей (Ehrenreich 1994).

Явления и процессы фрагментации/неустойчивости/неопределенности можно компактно определить как балансирование на грани между включением и исключением. Данными состояниями охвачены широкие слои общества, не ограниченные его периферийными областями. Это означает выход (образно выражаясь, «выплеск») эффектов аномии и исключения за пределы узких сегментов социального пространства: перспектива подпадания под действие этих эффектов в значительной мере определяет (деформирует)

жизненную ситуацию и ментальное состояние тех, кто (пока еще) непосредственно ими не охвачен. Анализ проблемных аспектов текущих социальных изменений, включая инновационные процессы, через призму концепций фрагментации/неопределенности/неустойчивости позволяет избежать характерной для концепций аномии и исключения маргинализации и «девиантизации» структурных противоречий и конфликтов. Маргинализация и «девиантизация» проблем состоит в рассмотрении их как локализованных и реализующихся в узких «пограничных», «переходных», «маргинальных», «периферийных» сферах и состояниях общества, что не слишком отличается от социальной апологии, сводящей противоречия к наследию прошлого либо влиянию враждебного окружения. Источники проблем общества следует искать не за его пределами либо в отношениях между ним и «выпадающими» из него элементами, а в самой сердцевине социальной структуры, нормативного и институционального порядка.

Понятия неустойчивости, неопределенности и фрагментации находятся в процессе концептуальной и эмпирической разработки. Неустойчивость означает невозможность занятия в длительной (жизненной) перспективе относительно твердых и взаимно согласованных статусных, профессиональных и иных позиций. Любые позиции в социальном мире оказываются временным пристанищем, которое приходится покидать при очередных социально-структурных подвижках. Фрагментация состоит в распадении жизненного цикла на серию отрезков, которые в отличие от фаз или этапов не связаны логикой единого биографического нарратива (истории — Sennett 1998: 26 и далее). Серию этих отрезков трудно вписать в контекст общего исторического процесса, который после «расставания с большими нарративами» также воспринимается как неупорядоченная совокупность разнонаправленных изменений («распад связи между поколениями, между прошлым и настоящим» — Hobsbawm 1994 b: 15). «Идентичности» теряют свою целостность, обретая характер мозаики или лоскутного одеяла, состоящего из разноцветных фрагментов национального, профессионального, гендерного и иного самоосознания при отсутствии между этими фрагментами взаимной стыковки, связующего медиума либо принципа. Многообразие же вариантов самостоятельного («рефлексивного») выбора своей идентичности и жизненной перспективы оборачивается неопределенностью — как исключение, так и принятие любого из вариантов может с равной вероятностью обернуться и позитивными изменениями, и фатальными последствиями.

Последнее наблюдение легло в основу скептического переосмысления эффектов индивидуальной либерализации, сопровождающих вступление общества в эпоху «второго», «иноного» или «рефлексивного модерна». Раскрепощение, освобождение от хабитуализированной и определяемой рождением сословной, классовой, национальной, гендерной и иной принадлежности структур оборачивается не столько свободой выбора идентичности, сколько принуждением к нему. При этом любой выбор оказывается «выбором на время». Выбирать приходится из несопоставимых альтернатив, а также в отсутствие надежных критериев для принятия решения и информации для оценки

последствий (Žižek 2001: 465). Права отказаться от выбора с учетом того, что (скорее всего) он может обернуться против вас, не предусмотрено. Не успев выбрать и более или менее адаптироваться к последствиям выбора, как уже оказываешься перед новой развилкой, перед которой указатель: пойдешь направо — место работы потеряешь, налево — семьей, ну а прямо — голову.

Подобного рода проблемы существовали всегда, особенно в эпохи бурных перемен, крушения старых устоев и порядков с последующим возникновением и становлением новых. Своеобразие современного этапа состоит в отсутствии достаточных оснований полагаться на дальнейшее воспроизведение в истории образца перехода от одного относительно стабильного порядка (формации, системы) к другому более или менее стабильному порядку (формации, системе). Такой образец предполагает, что обострение явлений аномии, маргинализации/исключения, фрагментации/неустойчивости/неопределенности ограничивается в пределах «переходных периодов». Ряд диагнозов современности позволяет говорить о некоем «переходе второго порядка» от более или менее стабильных (твердых) состояний к «перманентно переходным» (жидким или газообразным — Bauman 2003).

Одно из фундаментальных противоречий инновационного развития заключается в его амбивалентных отношениях с феноменами неустойчивости, неопределенности и фрагментации. С одной стороны, инновации неизбежно сопровождаются возрастанием масштаба данных явлений, которые в свою очередь выступают предпосылкой, стимулом и формой реализации инновационных процессов. С другой стороны, они подрывают потенциал включения в данные процессы. Высокая степень неопределенности, нестабильности и фрагментации несовместима со способностью к целенаправленному действию в целом, к проявлению инновационной активности в частности. В условиях резких колебаний инновационной конъюнктуры, приводящих к непредсказуемым эффектам обесценения культурного капитала (в частности, знаний из различных отраслей медицины, права и информатики), теряется смысл последовательных усилий по его накоплению.

Неустойчивостью, неопределенностью и фрагментацией в особой степени характеризуется социальное положение и ментальное состояние средних слоев общества (Ehrenreich 1994). Если основным фактором «инновационной демобилизации» нижних слоев является исключение, высших — самодостаточность, то средних — комплекс неустойчивости, неопределенности и фрагментации. Демобилизующее воздействие этого комплекса не ограничивается ослаблением ресурсной составляющей инновационного потенциала. Значительно более серьезную озабоченность вызывает предполагаемый подрыв мотивационно-легитимационной составляющей. Эта составляющая в свою очередь включает в себя пассивный аспект согласия-признания осуществляемых изменений и активный аспект готовности к участию в них. Важность данных аспектов для успеха инноваций очевидна, поскольку мерой успешности является степень реализации и институционализации обновленных структур в социальной практике; принуждение же и материальные подачки как инструмент обеспечения требуемой практики неэффективны.

Примером успешных инноваций может служить период модернизации после второй мировой войны. Залогом этого успеха явилось совпадение двух потоков инновационной энергии. Один из них исходил сверху: потрясения первой половины XX в. заставили всерьез заняться реформированием социально-экономических и политических отношений либерального капитализма во избежание повторения катастроф, к которым привело его спонтанное развитие. Другой поток брал свои истоки в широких массах, которые узрели в накоплении культурного капитала и реализации его в инновационной активности возможности для вертикальной социальной мобильности. Уровень образования (оснащенность культурным капиталом) обрела наиболее универсальное значение для карьерного роста, материального благополучия и высокой моральной самооценки. На почве этого возник инновационный консенсус, ставший одной из предпосылок для беспрецедентного в мировой истории периода социальной гармонизации, политического включения, экономического и технологического роста.

Настоящий этап характеризуется принципиально иным качеством процесса трансформации и диспозиций его участников. Вопреки всем диагнозам с префиксом «пост» (постфордизм, постиндустриализм, постмодернизм, постматериализм) есть веские основания говорить по сути о реставрации структур и отношений, приведших к «провалам цивилизации» в XX в. Дело, однако, не в том, что широкие массы нового среднего класса интуитивно либо рефлексивно улавливают запах старого вина в новых мехах и, в силу этого, саботируют процессы, соотносимые с понятием глобализации. Напротив, они пытаются найти свое место в этом процессе и возникающих как его результат структурах, но инновационные диспозиции меняются при этом радикальным образом в сравнении с периодом 1950–1970-х гг. В тот период смысл накопления культурного капитала заключался в улучшении собственной позиции за счет активного участия в процессе изменений социального, экономического, технологического и иного характера. В основном речь шла при этом об улучшении позиции детей, образованием которых были буквально одержимы послевоенные поколения. Инновационные ожидания в значительной степени увенчались разочарованием, когда, например, в США реальное благосостояние нынешнего поколения 30-летних упало до уровня соответствующей возрастной группы в начале 1960-х гг. (Krugman 1999: 4 и далее).

Тем не менее образование сохраняет свою актуальность, но при этом принципиально изменился смысл данной ценности. В значительной части своей она утратила свою трансформативную модальность, сменив ее на аффирмативную. Накопление культурного капитала обретает некие ритуальные черты, выступая формальным критерием включения в определенные сферы и доступа к определенным позициям. Содержательные же аспекты образования утрачивают свое значение в качестве инновационного ресурса, как и связь с характером предстоящей деятельности (Madrick 1995: 82 и далее). Образование рассматривается не в качестве инструмента самореализации и повышения статуса *за счет включения в процесс изменения существующей*

системы отношений, а как средство обеспечения в индивидуальном порядке относительной стабильности в пределах этой системы. Диплом становится магическим средством изгнания демонов неустойчивости, неопределенности и фрагментации.

Однако средство это оказывается ненадежным; стратегии занятия статусной ниши и защиты ее от внешних катаклизмов с помощью культурного капитала обречены на провал. Как указывалось выше, подвижность «существующей системы отношений» приводит к хронически возрастающему дефициту устойчивых статусных ниш. Экономический капитал в таких условиях оказывается более надежным средством защиты, чем и обусловлено возрастание его значения в периоды радикальных изменений, параллельно с обесцениванием культурного капитала (Neckel 2001: 248). Данный эффект можно обозначить в европейском контексте как «синдром Берлускони», в отечественном же — как «синдром Брынцалова». Субъективная реакция на этот синдром заключается в своеобразной инверсии, состоящей в переориентации предпочтений от конвертирования экономического капитала в культурный на конвертирование культурного в экономический. Если ранее накопление средств осуществлялось с более или менее явным прицелом на обращение их в определенный культурный статус, то на настоящем этапе образовательные усилия совершаются с более или менее явным прицелом на последующую, и скорейшую, экономическую их утилизацию. Эта утилизация, однако, становится все проблематичнее, поскольку массовый порыв к обмену знаний на капитал в его традиционном понимании имеет следствием смещение «обменного курса» в пользу капитала и в ущерб знаниям.

Ощущение безысходности, сопровождающее судорожные попытки занятия стабильных позиций, является общим психологическим фоном для тенденции средних слоев к пассивному неприятию инновационных процессов. Данная тенденция реализуется в так называемом «эффекте туннеля». Эту метафору, использованную для характеристики проблем постсоветской модернизации, можно распространить на ситуацию текущей трансформации мирового сообщества в целом. Ликвидация пробки в туннеле требует терпения и дисциплинированности попавших в нее водителей. Когда регулировщики начинают поочередно пропускать одну полосу за другой, на определенном моменте не выдерживают нервы у ожидающих в той полосе, до которой очередь еще не дошла. Видя, как справа (или слева) поток автомашин уже достаточно долго двигается вперед, они совершают отчаянные попытки перестроиться в пропускаемую полосу, что приводит к хаосу и нарушению всего процесса «рассасывания» пробки (Offe 1994: 76 и далее), тем более что в жизненном эквиваленте у «ожидающих своей очереди» нет реальных оснований рассчитывать, что она действительно наступит в обозримом будущем, измеряемом их биографической перспективой.

Нарастающее напряжение и раздражение находят свое дискурсивное оформление в ряде образцов восприятия модернизации и ее негативных побочных эффектов. Один из образцов основан на рассмотрении таких эффектов как *цены*, которую приходится платить за продвижение в «лучшее буду-

щее». В частности, рост криминальных проявлений на территории бывшей ГДР в постсоветский период получил осмысление как плата за становление рыночных отношений и демократии (Voers 1995: 374). В постсоветской России уровень учтенной преступности также повысился более чем в два раза примерно за десятилетний период с конца 1980-х гг. (Преступность и правонарушения в РФ 1990, 1992, 1996, 1998, 1999). В этой связи, однако, возникает резонный вопрос: почему выгоды от инноваций, как обычно, приходится на долю одних категорий населения, в то время как на долю других — почетная обязанность платить по инновационным счетам? В российском контексте еще свежа память о продвижении к звездам для одних через тернии для других, когда лучшее общество возводилось на фундаменте из костей жертв «обострения классовой борьбы» — негативного побочного эффекта и предоплаты за «лучшее будущее».

В связи с участием криминальных элементов в реализации постсоветских преобразований побочные эффекты подвергаются дальнейшему переосмыслению, в результате которого они из цены модернизации перевоплощаются в ее *фактор и инструмент*. В свете такой интерпретации возрастают легитимационные потери на стороне инновационных процессов и предполагаемых результатов — построить легальный порядок экономических отношений нелегальными методами можно лишь с тем же успехом, что и провалиться к правде. Этот парадокс становится тяжким бременем, подобием первородного греха рождения рыночной экономики, подрывающего легитимационный базис капитализма даже тогда, когда детские болезни его уже, казалось бы, надежно истерты из памяти усилиями апологетов так называемого «свободного рынка», тем более что и «остепенившийся», обретший благообразный облик и человеческое лицо (или маску?) капитализм как раз на современном этапе проявляет тенденцию к рецидивам своей бурной молодости.

Следующий вариант осмысления дискомфорта, возникающего в связи с текущими инновационными процессами, характеризуется инверсией отношения между криминальными и преобразовательными аспектами. Криминальным аспектам перераспределения власти и собственности придается смысл собственного содержания процесса, риторике рыночных и демократических преобразований — инструмента его легитимации, своего рода овечьей шкуры, в которую пытаются втиснуть волка. Последующим логическим шагом может явиться конспирологическое вменение возникающих проблем различного рода индивидуальным и коллективным субъектам, в роли которых могут выступать как олигархи, так и гастарбайтеры. Возникающая в итоге ориентация на отыскание либо изобретение и наказание виноватых создает почву для развития карательного популизма, который в сочетании с поиском суррогатных идентичностей этнонационалистического и религиозно-культурного характера образует механизм перекодирования антикапитализма в ксенофобию и антимодернизм (Bauman 2002). Антикапиталистические позиции реализуются в антиинновационных настроениях. Потенциал неприятия одного из аспектов протекающих изменений переносится на другой аспект, лишь мнимо связанный с первым.

Заключение: предпочтительность стратегии выравнивания как основы инновационной политики

Вышесказанное можно подытожить следующим образом. Имманентные новому капитализму эффекты неустойчивости, неопределенности и фрагментации наряду с углублением неравенства и усугублением исключения создают объективные предпосылки для накопления конфликтно-агрессивного потенциала. В результате дискурсивной инсценировки нового капитализма как аспекта глобализации, неразрывно связанного с иными ее аспектами, в частности, с технологическими инновациями и преодолением национальной замкнутости, агрессивная энергия переносится на инновационные процессы, а также на представителей иных культур, наций и конфессий. Агрессия, повод для которой создается потоками капитала и которая по праву им причитается, обрушивается на потоки трудовых мигрантов.

Стратегия инновационной концентрации может иметь следствием дополнительное усиление охарактеризованных эффектов. Попытки концентрации инновационного потенциала во времени и пространстве, на авангардных направлениях инновационного развития, могут возыметь эффект бумеранга, усугубляя рассеянное неприятие инноваций и содействуя формированию широкого фронта противостояния им. Поэтому представляется целесообразным принять за основу инновационной политики стратегию выравнивания.

Стратегия выравнивания имеет своим предметом не собственно инновации, а их предпосылки и последствия. Во временном измерении она направлена на сглаживание перепадов спонтанного инновационного развития, характеризуясь ярко выраженным антициклическим характером. В отраслевом пространственном измерении она сосредоточена на трансферте результатов инновационного развития из авангардных отраслей и регионов в отстающие. В частности, она предполагает уравнивание эффектов защиты интеллектуальной собственности. Эта защита является инструментом политики инновационной концентрации, поскольку приводит к дальнейшему нарастанию инновационного потенциала субъектов, уже обеспечивших передовые позиции. Достичь же уравнивания можно путем выкупа инновационных технологий за счет бюджетных средств и обращения их в категорию публичных благ, в равной мере доступных всем на некоммерческой основе.

В социально-структурном поле следует сосредоточить усилия не на дополнительной поддержке инновационно-перспективных социально-структурных единиц, а на обеспечении позитивного отношения к инновациям, рассеянного по широкому спектру социальных слоев и сред. Для иллюстрации можно привести аналогию из области поддержки спорта, где эквивалентом стратегии выравнивания и обеспечения рассеянного потенциала было бы смещение приоритетов с инфраструктуры для «большого спорта» на создание и поддержание широкой сети учреждений для спортивного досуга различных возрастных групп. Устойчивое инновационное развитие представляется предпочтительным сценарием по отношению к инновационным скачкам и прорывам; ключом к такому развитию является скорее модернизация детских садов и начальной школы, нежели Университета

им. М. Ломоносова. В этом свете, единственным легитимным предметом государственного воздействия на собственно инновационную деятельность (а не создания предпосылок для нее и нейтрализации ее нежелательных побочных эффектов) следует считать область фундаментальных исследований (за исключением ряда узких направлений вроде материальной поддержки малоимущих Эдисонов).

Рассмотрение конкретных конфигураций инновационной политики в России и зарубежных странах выходит за пределы данного анализа. В свете высказанных соображений можно лишь сформулировать общее пожелание: ориентироваться преимущественно на опыт скандинавских стран и «тигров» Юго-Восточной Азии, а не США и других англосаксонских стран.

Литература

Волков В. Силовое предпринимательство. СПб.: Европейский Университет в Санкт-Петербурге; Летний сад, 2002.

Заславская Т.И. Социальная трансформация российского общества. М.: Дело, 2002.

Погорельская С.В. «Вечно вчерашние»: правый популизм и правый радикализм в Западной Европе // *Мировая экономика и международные отношения*. 2004. № 3. С. 51–63.

Преступность и правонарушения в РФ: Сборник МВД. М., 1990; 1992; 1996; 1998; 1999.

Средние классы в России: Экономические и социальные стратегии / Под ред. Т. Малеевой. М.: Гендальф, 2006.

Baum K.-H. Die SPD im Osten // *Neue Gesellschaft/Frankfurter Hefte*. 2005. N 11. S. 37–41.

Bauman Z. *Community: Seeking safety in an Insecure World*. Cambridge: Polity & Blackwell, 2002.

Bauman Z. *Flüchtige Moderne*. Frankfurt/M: Suhrkamp, 2003.

Boers K. Sozialer Umbruch und Kriminalität in Deutschland // Sahner H. (Hrsg.). *Gesellschaften im Umbruch. Beiträge für den 27. Kongress der Deutschen Gesellschaft für Soziologie in Halle an der Saale: Kongressband II*, 1995.

Bourdieu P. *Ökonomisches Kapital, kulturelles Kapital, soziales Kapital* // Kreckel R. (Hrsg.). *Soziale Ungleichheiten // Soziale Welt: Sonderband*. 1983. N 2. S. 183–198.

Braune T. Verpasste und genutzte Chancen in der ostdeutschen Wissenschaftspolitik // *Neue Gesellschaft/Frankfurter Hefte*. 2000. N 12. S. 746–749.

Bruns T. Was geschieht jenseits von Düsseldorf?: Warum Rot-Grün eine Überlebenschance hat // *Ibid.* 2005. N 5. S. 4–7.

Castells M. Die zweigeteilte Stadt — Arm und Reich in den Städten Lateinamerikas, der USA und Europas // Schabert T. (Hrsg.). *Die Welt der Stadt*. München, 1990. S. 199–216.

Ehrenreich B. *Angst vor dem Absturz: Das Dilemma der Mittelklasse*. Hamburg: Rowohlt, 1994.

Ehrke M. *Poskommunistischer Kapitalismus: Ökonomie, Politik und Gesellschaft im neuen Europa* // *Internationale Gesellschaft und Politik*. 2005. N 1. S. 142–163.

Forrester V. *Die Diktatur des Profits*. Deutscher Taschenbuch Verl, 2002.

Galbraith J. K. *Unemployment in Europa: Some American Suggestions* // *Internationale Politik und Gesellschaft*. 2006. N 1. S. 39–45.

Golbert V. *Die Mauer ist gefallen — es lebe die Mauer!: Interpretationsmuster für*

- Konvergenztendenzen der kriminalpolitischen Entwicklungen in Russland und Deutschland. http://www.zdes.spb.ru/page_r/r_publ.htm
- Gyorgy G. M. Aufstieg und Fall des Sozialnationalismus in Ungarn. Reflexionen zum Ausgang der Parlamentswahlen // Neue Gesellschaft/Frankfurter Hefte. 2006. N 6. S. 22–25.
- Heitmeyer W. Einleitung: Auf dem Weg in eine desintegrierte Gesellschaft / Heitmeyer W. (Hrsg.). Was treibt die Gesellschaft auseinander. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1997. S. 9–26.
- Hirschmann A.O. The Changing Tolerance for Income Inequality in the Course of Economic Development // Hirschmann A.O. Essays in Trespassing: Economics to Politics and Beyond. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. P. 39–58.
- Hobsbawm E. The Age of Empire. Abacus, 1994.
- Hobsbawm E. The Age of Extremes. Abacus, 1994b.
- Krugman P. The Age of Diminished Expectations. Cambridge: The MIT Press, 1999.
- Leggewie C. What's next? Oder: Neokapitalismus und neue Linke // Loch D., Heitmeyer W. (Hrsg.). Schattenseiten der Globalisierung. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 2001. S. 443–460.
- Luhmann N. Die Gesellschaft der Gesellschaft. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1997.
- Madrick J. The End of Affluence: The Causes and Consequences of America's Economic Dilemma. New York: Random House, 1995.
- Mahnkopf B. Investition als Intervention: Wie interregionale und bilaterale Investitionsabkommen die Souverinität von Entwicklungsländern beschneiden // Internationale Politik und Gesellschaft. 2005. N 1. S. 121–141.
- Merton R.K. Social Structure and Anomie // Merton R.K. Social Theory and Social Structure. New York, 1968. P. 185–214.
- Misik R. Mythos Weltmarkt: Vom Elend des Neoliberalismus. Berlin, 1997.
- Nassehi A. «Exklusion» als soziologischer oder sozialpolitischer Begriff? // Mittelweg. 2000. N 36 II. S. 18–31.
- Neckel S. Blanker Neid, Blinder Wut?: Sozialstruktur und kollektive Gefühle // Leviathan. 1999. N 27. S. 145–165.
- Neckel S. «Leistung» und «Erfolg». Die symbolische Ordnung der Marktgesellschaft // Barlosius E., Mueller H.-P., Sigmund S. (Hrsg.). Gesellschaftsbilder im Umbruch: Soziologische Perspektiven in Deutschland. Opladen: Leske und Budrich, 2001.
- Offe C. Der Tunnel am Ende des Lichts. Campus, 1994.
- Samuleson P.A. Where Ricardo and Mill Rebut and Confirm Arguments of Mainstream Economists Supporting Globalization // Journal of Economic Perspectives. 2004. N 3. S. 135–146.
- Sennett R. Corrosion of Character: The Personal Consequences of Work in the New Capitalism. Norton, 1998.
- Tilly Ch. War Making and State Making as Organized Crime // Evans P.-B., Rueschemeyer D., Scocpol T. (eds.): Bringing the State Back In. Cambridge: CUP, 1985.
- Touraine A. Globalisierung — eine neue kapitalistische Revolution // Loch D., Heitmeyer W. (Hrsg.): Schattenseiten der Globalisierung. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 2001. S. 41–62.
- Wallerstein I. Krise als Übergang // Amin S., Arrighi G., Frank A.G., Wallerstein I. Dynamik der globalen Krise. Opladen: Leske und Budrich, 1986. S. 4–35.
- Weiss A. Unterschiede, die einen Unterschied machen. Klassenlagen in den Theorien von Pierre Bourdieu und Niklas Luhmann // Nassehi A., Nollmann G. (Hrsg.). Bourdieu und Luhmann. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 2004. S. 208–232.
- Žižek S. Die Tücke des Subjekts. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 2001.
- Zürn M. Politische Fragmentierung als Folge der gesellschaftlichen Denationalisierung? // Loch D., Heitmeyer W. (Hrsg.): Schattenseiten der Globalisierung. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 2001. S. 111–139.